

С. МЕРКУРОВ

Посмертная маска В. И. Ленина (Из воспоминаний)

(Ночь с 21/1 на 22/1 1924 г.)

Мороз. Пурга. Лес Измайлова.

Вечер.

Работаю в полушубке. Холодно. В большое окно студии стучит ветер. Слышно, как кругом в лесу кряхтят и стучат старые сосны.

— Что ты делаешь?

— Работаю.

— Что так поздно?

— Какое «поздно», ведь только 8 часов.

— А ты будешь все время в мастерской?

— Что, прикажешь в такой мороз и пургу в лес идти?

— Ну, прости! Работай.

Через час опять звонок.

— Ты все работаешь?

— Да!

— Прости, мы здесь в Совете поспорили, хотим проверить: скажи, пожалуйста, что нужно, чтобы снять чью-нибудь маску?

— Четыре кило гипса, немного стеариновой смазки, метр суровых ниток и руки хорошего мастера.

— Все?

— Все!

— Спасибо. Прости за беспокойство. Ты все будешь работать и никуда не уйдешь?

— Нет, не уйду.

Пурга в лесу бушует.

Закрываю ставни. Собака жметя к печи.

Снова дребезжит телефон.

— Сейчас за тобой будет автомобиль. Приезжай в Совет, ты нужен.

Через час стук в двери. Автомобиль у опушки леса. Не добрались.

— Одевайся. Едем. Ты нужен по делу. Узнаешь в Совете. Как был в полушубке — вышли. Дошли до автомобиля. Приехали в Московский Совет. Мертвые комнаты. Неестественная тишина. Огни потушены. Темно. Кой-где горят дежурные лампочки. В одном из углов большой комнаты два товарища во всем кожаном. За поясом оружие. Ждут меня.

— Вот ты поедешь с ними.

— Куда?

— А туда, куда надо. Приедешь и узнаешь! Автомобиль подан. Я прощаюсь.

— Итак, до завтра!

В автомобиле. По бокам два товарища в кожаном. Мой полушубок мало спасает от холода. Автомобиль идет по Замоскворечью. Мы у Павелецкого вокзала. Нас встречает человек десять — в штатском пальто. Под пальто замечаю военную форму. Мелькает мысль: если вопрос касается меня, то десять человек для меня слишком много, могли обойтись двумя-тремя. Значит, я отпадаю. Мысли совершенно отказываются работать.

Ко мне подходят.

— Вам придется довольно долго ехать в автодрезине. Будет холодно. Наденьте еще вот эту шинель.

Я в автодрезине. С двух сторон два товарища в кожаном. Последние распоряжения.

Все закрывается кругом. Замахали сигнальными огнями; засветело, загудело, и мы понеслись в ночную мглу. Только на станциях и полустанках нас встречали зелеными огнями, и мы неслись дальше. Наконец красный огонь. Мы останавливаемся. Предлагают выходить.

Платформа. Ночь. Мороз. Трудно дышать. Мгла.

— Товарищи, а что теперь?

— Нам приказано доставить вас на эту платформу и ждать дальнейших распоряжений. Больше мы ничего не знаем. Хожу по платформе. Мгла. Через четверть часа около платформы вырисовываются силуэты саней. Предлагают сесть в сани. Едем дальше. Освещенные ворота. Часовой в тулупе. Пропускает нас. До того мысли запутаны и я так далек от всего, что не узнаю Горок. Еще утром я спрашивал Склянского, как здоровье Ильича? Получил успокоительный ответ: «Возили на охоту!» Сейчас шагаю через двор — не узнаю двора. Я уже в помещении. Кто-то в форме ГПУ докладывает по телефону:

— Приехал Меркуров.

Меня вводят в полутемную комнату и предлагают сесть. Сажусь в угол, в глубокое кресло. В это время открывается дверь: в про свете — два женских силуэта, направляются к другим дверям. Открывают двери в большую комнату; там много света, и, к моему ужасу, я вижу лежащего на столе Владимира Ильича... Меня кто-то зовет.

Все так неожиданно — так много потрясений, что я как во сне.

У изголовья Владимира Ильича стоит Надежда Константиновна. Она крепится. Но безмерное горе задавило ее. В противоположной стене полуоткрыты двери в темную комнату. В дверях застывшая в горе Мария Ильинична.

Слышу тихий голос Надежды Константиновны: «Да, вы собирались лепить бюст Владимира Ильича, ему все было некогда позировать — и вот теперь... маску».

В комнате я нахожу все, что мне нужно для снятия маски.

Подхожу к Владимиру Ильичу, хочу поправить голову — склонить немного набок. Беру ее осторожно с двух сторон: пальцы просовываю за уши, к затылку, чтобы удобнее взять за шею. Шея и затылок еще теплые. Ильич лежит на тюфяке и подушке. Но что же это такое?! Пульсируют сонные артерии! Не может быть! Артерии пульсируют! У меня страшное сердцебиение. Отнимаю руки. Прошу увести Надежду Константиновну.

Спрашиваю у присутствующего товарища, кто констатировал смерть.

— Врачи.

— А сейчас есть кто-нибудь из них?

— А что случилось?

— Позовите мне кого-нибудь.

Приходит.

— Товарищ, у Владимира Ильича пульсирует сонная артерия вот здесь, ниже уха.

Товарищ нащупывает. Потом берет мою руку, откидывает край тюфяка и кладет мои пальцы на холодный стол. Сильно пульсируют мои пальцы.

— Товарищ, нельзя так волноваться — пульсирует не сонная артерия, а ваши пальцы. Будьте спокойны. Сейчас вы делаете очень ответственную работу.

Слова возвращают меня к реальности.

Маска — исторический документ чрезвычайной важности. Я должен сохранить и передать векам черты Ильича на смертном одре. Я стараюсь захватить в форму всю голову, что мне почти удается. Остается незаснятым только кусок затылка, прилегающий к подушке.

В темных дверях неподвижно стоит Мария Ильинична. За время работы она не вздрогнула. Я чувствую ее застывший взгляд.

В голове у меня мелькает художник Каррьер с его полотнами в полутенях — в полумраке.

Наконец к четырем часам утра работа готова.

Меня торопят. Приехали профессора для вскрытия. Последний прощальный взгляд. В мыслях проносится: Швейцария, Цюрих, Айтрахт — выступления Ильича. Потом Москва — Кремль — далее Красная площадь. С Лобного места Ильич говорит. Речь его проста. Яркая. Образна. Его каргавое «Товарищи», брошенное в массы. Кругом бушует народное море. И сейчас здесь, на столе... он — Ленин.

